

ЭФФЕКТ КОНСЕРВАЦИИ: КАК РАБОТАЮТ И НЕ РАБОТАЮТ САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАШЕНКО, ОЛЕГ БУКЛЕМИШЕВ,
ОЛЕГ ВЬЮГИН, КИРИЛЛ РОГОВ, ЮЛИЯ
СТАРОСТИНА

Под редакцией Кирилла Рогова

Обзор подготовлен Re: Russia. Expertise, Analysis and Policy Network в сотрудничестве с российским независимым изданием об экономике, менеджменте и финансах The Bell

Западные санкции в отношении России не работают — это одна из наиболее обсуждаемых тем последних недель. Санкционная политика уперлась в потолок, и дальнейшее ее расширение грозит нанести остальному миру и самим западным странам слишком значительный ущерб, но при этом, вероятно, не изменит поведения российского диктатора, почти хором соглашаются западные аналитики и политики.

Но и в России представление о незначительном в целом воздействии санкций стало в последние полтора месяца едва ли не доминирующим. Помимо официального оптимизма чиновников и руководителей крупных компаний, позитивный настрой широко распространен среди населения и значительной части бизнес-сообщества: ужас, но не ужас-ужас, а значит, все не так плохо.

Задача настоящего обзора — дать более полную картину того, как работают и не работают экономические санкции вообще и санкции в отношении российской экономики в частности. Обзор состоит из трех частей:

- краткое обозрение мирового опыта санкционных политик, их краткосрочного и долгосрочного влияния на экономику и политику санкционируемых стран;
- оценка функционала и масштаба различных частей санкционного пакета в отношении российской экономики;
- оценка фактического эффекта санкций и состояния российской экономики к июню 2022 года и перспектив развития ситуации.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ

То, что санкции, как правило, «не работают», хорошо известно специалистам. Однако под этим подразумевается, что те цели, которые ставились странами, налагавшими санкции, не достигались — с помощью санкций не удалось изменить принятые решения или конкретные политики санкционируемой страны и достаточно редко удавалось спровоцировать «крах режима». Вместе с тем в отношении того, что неодносторонние (наложенные широкой коалицией) и неточечные санкции в конце концов приводят к большим и долгосрочным потерям экономики и общества, существует относительный консенсус.

В случае если планируемый эффект не достигается, долгосрочные широкие санкции усиливают весь спектр негативных тенденций социального развития санкционируемой страны: ведут к дальнейшей автократизации, ухудшению ситуации с правами человека, изоляции и сокращению внешних партнеров до узкого числа «медиаторов» с внешним миром. То есть ведут к многоаспектной консервации «не-развития» и в итоге — долгосрочной потере конкурентоспособности и международного влияния. Иными словами, способность страны противостоять санкциям оборачивается для нее в конце концов большими потерями в долгосрочном периоде.

Представление об ограниченном влиянии санкций на российскую экономику связано с неверной оценкой природы инерционности экономической системы, а успехи ЦБ в борьбе с первой волной кризиса, создающие «иллюзию нормальности», станут и уже становятся источником проблем в будущем.

В то же время разные части санкционного пакета имеют разный тайминг и горизонт последствий для экономики. Финансовые санкции в краткосрочной перспективе оказались малоэффективны, но их средне- и долгосрочные последствия еще проявят себя в будущем. Эффект торгово-логистических санкций в полной мере можно будет оценить лишь через несколько месяцев после введения. Наконец, санкции на технологический импорт пока почти не проявили себя, но именно они будут иметь самые тяжелые последствия в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

План властей с корнем вырвать формировавшиеся десятилетиями связи российского бизнеса с западными поставщиками и заместить их

партнерами из азиатских стран не осуществим по причине отсутствия соответствующей инфраструктуры и мотиваций у этих партнеров учитывать несырьевые интересы России. А относительные успехи процесса «структурной трансформации» — адаптации экономики к новым и худшим условиям — будут зависеть от того, в какой мере этот процесс будет опираться на свободное перераспределение ресурсов в экономике и стимулы рынка, а в какой — на политические приоритеты, принудительные ограничения и давление.

Механизмы развития нынешнего кризиса отличаются от тех, к которым привыкли в России за предыдущие 25 лет. Однако представление о том, что санкции пока оказывают слабое влияние на экономику, не соответствует действительности: темпы сокращения ВВП превышают аналогичные показатели кризиса 2015 года, а снижение выпуска по базовым видам деятельности к пикам декабря 2021 года составляет более 7%. Влияние кризиса различается по отраслям: в то время как одни чувствуют себя относительно нормально или даже демонстрируют рост, другие переживают тотальный обвал. Сокращение доходов населения является вторым фактором кризисной динамики: экономика испытывает ограничения одновременно и со стороны предложения, и со стороны спроса. А война и геополитическое противостояние не позволят использовать бюджет и средства ФНБ для оказания ей реальной поддержки.

Связанный с введением санкций кризис носит структурный характер и приведет к масштабным изменениям в экономике, суть которых можно определить как «технологически регрессивное импортозамещение». Утратив доступ к западным технологиям и компонентам, экономика будет замещать соответствующую продукцию в кооперации с менее развитыми странами, получая от них менее качественные и современные технологии и компоненты по более высоким ценам.

Параллельно в связи с примитивизацией экономики будут утрачены часть человеческого капитала, развивавшийся в последние годы сектор хайтека и достигнутый уровень цифровизации экономики. Однако и после этого отката в развитии российская экономика, скорее всего, не выйдет на новую траекторию, а войдет в режим консервации, характерный для находящихся длительное время под санкциями стран, проигрывая конкуренцию за долю прибыли и рынки вследствие ограничений доступа к технологическому импорту и социального застоя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. САНКЦИОННАЯ ЛОВУШКА: КАК РАБОТАЮТ И НЕ РАБОТАЮТ САНКЦИИ И ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ РОССИИ

[5](#) Мировой опыт: как на самом деле (не) работают санкции

[7](#) Российский кейс: война, эффект «перетока» и ралли оптимизма

II. ДВЕ ФАЗЫ КРИЗИСА: МЕХАНИЗМЫ, ТАЙМИНГ И ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИЙ

[10](#) Типы санкций и их последствия

[12](#) Иллюзия нормальности

[14](#) Вызовы второй фазы кризиса и перспективы замещения поставщиков

III. ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ: ЧТО ПРОИСХОДИТ С РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ И КУДА ЭТО ВЕДЕТ

[18](#) Есть ли кризис и каков его масштаб?

[22](#) Что такое структурный кризис и регрессивное импортозамещение?

I. САНКЦИОННАЯ ЛОВУШКА: КАК РАБОТАЮТ И НЕ РАБОТАЮТ САНКЦИИ И ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ РОССИИ

МИРОВОЙ ОПЫТ: КАК НА САМОМ ДЕЛЕ (НЕ) РАБОТАЮТ САНКЦИИ

Этот парадокс известен ученым, специалистам по санкциям и даже политикам: в то время как санкции становятся все более и более распространенным инструментом международных отношений и внешней политики США, свидетельств их эффективности становится все меньше. В академической литературе [считается](#), что средняя эффективность санкций составляет 35–40%, причем речь идет даже не о полном успехе заявленных целей, а о частичном. Однако некоторые подсчеты [показывают](#), что такой уровень эффективности санкций был характерен для 1980–1990-х годов, когда экономическая и политическая мощь Запада была максимальной, а к 2016 году средний уровень эффективности санкций опустился ниже 20%. Раньше успех развивающихся экономик напрямую зависел от их взаимодействия с экономиками развитых стран и перетока капитала из них. Это повышало эффективность санкций, теперь эта зависимость стала гораздо более размытой.

Основные причины того, что санкции плохо работают, связаны с двумя эффектами. Во-первых, санкции обычно накладываются в отношении авторитарных стран, которые имеют больше возможностей сопротивления внешнему давлению, чем демократические, [пишет](#) один из главных специалистов по санкциям Дарсен Пексен. Авторитарные правители имеют возможности перераспределять издержки санкций, премируя лояльные группы за счет нелояльных и поддерживая репрессивный аппарат. Во-вторых, логика санкций в известном смысле противоположна логике глобализации. В течение тридцати лет барьеры для перетока товаров, технологий и капиталов последовательно снижались, и новые барьеры, создаваемые даже достаточно широкой коалицией стран, не могут компенсировать этот всеобъемлющий эффект, на который работает современная мировая экономическая инфраструктура. Этот же эффект ведет к тому, что санкции против конкретной экономики имеют все больше сопутствующих эффектов — нанесенный ими ущерб транслируется («переливается») по цепочке на другие страны и мировую экономику в целом.

Многочисленные побочные эффекты санкций важны для понимания их основного эффекта. Обобщение опыта санкций [говорит](#), например, что санкции имеют отрицательный эффект для развития демократии в санкционируемых странах, то есть эти страны становятся менее демократическими, причем как непосредственно после санкций, так и в долгосрочной перспективе, и чем сильнее санкции, тем сильнее этот эффект. В краткосрочной перспективе санкции нередко помогают диктаторам консолидировать режим, воспользоваться эффектом «ралли вокруг флага» и мобилизовать группы поддержки. Аналогичный эффект [наблюдается](#) и в области соблюдения прав человека: если с помощью санкций не удастся ослабить силовой аппарат санкционируемого ре-

жима, они ведут к его консолидации и усилению репрессий. Санкции, на самом деле, не так редко приводили к смене режима (более сильным этот эффект [был](#) в эпоху классической холодной войны), особенно в странах персоналистской автократии. Однако и в этом случае более вероятным [является](#) переход не к демократии, а к новой автократии, а с наименьшей вероятностью санкции [способны](#) дестабилизировать лидеров нефтяных стран.

Однако не вызывает сомнения при этом, что санкции имеют широкий отрицательный эффект для экономики страны, на которую они наложены. Споры вызывает лишь оценка его масштабов: чтобы адекватно оценить экономические потери, необходимо учесть «упущенный рост», и разные методики приводят здесь к разным результатам. Некоторые оценки [говорят](#), что первоначальный эффект в среднем составляет 2,3–3,5% ВВП и с убывающим масштабом действует примерно в течение десяти лет в случае, если санкции наложены «широкой коалицией» (например, ООН), если же они наложены односторонне Соединенными Штатами, то упущенный рост оценивается в 0,5–0,9% в течение семи лет. Достаточно авторитетной считается [оценка](#), согласно которой в результате санкций, действовавших только в 2011–2014 годах, Иран потерял 17% потенциального ВВП. Российский экономист, бывший заместитель председателя ЦБ Сергей Алексашенко считает, что санкции, наложенные на Россию в 2014–2015 годах, привели к потере 16% потенциального ВВП к 2021 году (разница между потенциальным ростом экономики и фактическим; см. об этом ниже).

Впрочем, все более широко распространяющееся представление о неэффективности санкций (основанное на обширной панели данных) до некоторой степени является статистическим артефактом. Дело в том, что санкционная политика как таковая состоит из двух частей: угрозы применения санкций и собственно введения санкций в случае, если угроза не ведет к изменениям в политике целевой страны. Однако в большом числе случаев угроза санкций оказывает значимый эффект, заставляя правительство корректировать свою политику, ограничивать репрессии против оппозиции, соблюдать минимальные нормы в области прав человека, отказываться от внешней агрессии или особо недружественных действий в политике и экономике. Но работ, подсчитывающих этот превентивный эффект угрозы санкций, практически нет. А те, которые есть и которые подсчитывают эффект уже введенных санкций, имеют дело, таким образом, только с частью общей панели случаев.

Этот же недоучет фактора «угрозы санкций», считают некоторые исследователи, ведет к занижению оценок их экономического эффекта. Скорее всего, страны, для которых экономический эффект санкций выглядит слишком значительным, склонны не доводить ситуацию до их применения, в то время как «упорствующие» страны, наоборот, склонны заранее готовить свои экономики к санкциям, чтобы минимизировать их эффект. Их упущенный рост может предшествовать фактическому моменту наложения санкций.

Итак, в целом можно сказать следующее. Санкционные политики являются важным инструментом международных отношений, который оказывает значительный эффект, но скорее за счет «угрозы» применения санкций, чем за счет самих санкций. Как правило, если страна расценивает вероятный экономический ущерб санкций как очень значительный, а правительство предполагает, что этот эффект будет иметь политические последствия, то оно постарается скорректировать политику, чтобы избежать санкций. Если же считается, что этот ущерб будет не столь значительным или не будет иметь политических последствий для правительства, то политика не изменится, а введенные санкции также не будут иметь положительного эффекта в отношении смены курса. И только в том случае, когда этот предварительный расчет последствий оказывается ошибочным, санкции «работают», т.е. считаются политически успешными.

При этом примененные в конце концов против страны санкции не работают в том смысле, что они с небольшой вероятностью приведут к изменению политики санкционируемой страны или падению действующего в ней режима. В то же время, в случае если санкции накладываются достаточно широкой коалицией, они нанесут сильный удар по санкционируемой экономике и почти наверняка очень существенно снизят ее долгосрочную конкурентоспособность. Они будут усиливать «негативные» тенденции внутривнутриполитической динамики, направленные на ограничение внутренней конкуренции (авторитарная консолидация, подавление оппозиции, репрессии), и способствовать своего рода оукливанию и консервации того режима, который спровоцировал введение санкций. В среднесрочном периоде они ведут к сокращению внешних партнерств и ослаблению переговорной позиции страны и, таким образом, в долгосрочной перспективе — к ее экономической и политической маргинализации на международной арене, не создавая при этом критических угроз политическому режиму внутри. Этот «эффект консервы» хорошо виден на примере таких мировых чемпионов санкций, как Северная Корея, Куба и Иран.

Иными словами, парадоксальным образом способность страны противостоять международным широким санкциям ведет к значительным потерям для нее в долгосрочном периоде.

РОССИЙСКИЙ КЕЙС: ВОЙНА, ЭФФЕКТ «ПЕРЕТОКА» И РАЛЛИ ОПТИМИЗМА

Впрочем, Николас Мадлер, автор книги «Экономическое оружие», посвященной тому, как формировался институт санкций в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами, в недавней статье на сайте МВФ [пишет](#), что санкции против России не стоит сравнивать с теми, которые применялись в последние пятьдесят лет. Во всех этих случаях речь шла либо о широких санкциях (цель которых — нанести максимальный ущерб экономике страны), применявшихся в отношении сравнительно небольших экономик (Иран, Венесуэла), либо о точечных санкциях в отношении больших экономик (санкции против России в 2014–2015

годах). То, с чем мы имеем дело сегодня, должно рассматриваться как отдельная категория в истории санкций: это широкие санкции, примененные в отношении одиннадцатой по размеру экономики мира, к тому же являющейся важным поставщиком первичных ресурсов на мировые рынки. В качестве аналогии Мадлер вспоминает случай Японии: после начала второй японо-китайской войны на Японию (в тот момент седьмую по размерам экономику мира) были наложены санкции, однако эффективными они оказались, лишь когда к ним присоединились США, перекрыв импорт ресурсов в страну. Результатом этого, однако, стало нападение Японии на США.

Мадлер подчеркивает, что критическим для воюющей страны является именно ограничение импорта товаров, подрывающее работу ее военной машины. Об этом же [пишут](#) другие экономисты, доказывающие, что эффективные санкции против российского импорта важнее, чем санкции против российского экспорта, которые будут иметь широкий побочный эффект для мировой экономики.

О том, что санкции против России после того, как она все же начнет вторжение в Украину, не сработают, ученые, информированные люди и даже разработчики санкций знали заранее. Вопрос их неэффективности обсуждался в американской администрации еще накануне российского вторжения, а в апреле 2022 года главный идеолог нынешних санкций Далип Сингх взял отпуск и больше не вышел на прежнюю работу, [пишет](#) российский экономический портал The Bell в обзоре «Работают ли санкции Запада против России».

В своем обзоре The Bell собрал и сгруппировал по трем направлениям данные и статистику, демонстрирующие, что санкции не работают:

1. *Сверхдоходы вопреки эмбарго.* Несмотря на войну и санкции, доходы России от нефтегазового экспорта только растут. [Эмбарго](#), перекрывающее импорт в Европу 90% российской нефти, еще не вступило в силу, но рынок уже заложил его в цены, которые держатся на абсолютно комфортной для Кремля высоте. ЕС все еще продолжает покупать российскую нефть — а об эмбарго на покупку российского газа на практике не идет даже речи. В результате уже сейчас добыча нефти в России восстанавливается до довоенного уровня. Только за первые 100 дней войны (с 24 февраля по 3 июня) Россия [получила](#) €93 млрд дохода от экспорта энергоносителей — и ЕС импортировал 61% этого объема.
2. *Разворот на восток.* Одновременно Китай и Индия при условии скидок в 25–30% оказались готовы закупать значительно больше российской нефти и почти полностью компенсировали России европейские потери. С начала войны, с марта по май 2022 года, индийский импорт нефти Urals вырос на 658% по сравнению с уровнем 2021 года. Для Китая рост составил 205%, а для Азии в целом — 347%. Но ограничения на экспорт энергоресурсов в Европу все равно приведут к снижению физических объемов добычи и экспорта даже с учетом переориентации части сбыта в Азию. Спрос на российскую нефть в дальнейшем

определил динамика мировой экономики: если в крупнейших странах наступит рецессия, то и цены на нефть могут значительно упасть, что подорвет успехи российского экспорта.

3. *Ущерб для Европы.* Война в Украине действительно усугубила и без того нараставшее ускорение инфляции на Западе, ставшее следствием щедрых пандемических вливаний денежной помощи экономике. Годовая инфляция в еврозоне в мае [ускори́лась](#) из-за роста цен на энергоносители до 8,1%, а дефицит внешней торговли ЕС [достиг](#) рекордных за все время существования союза значений. Великобритания и США переживают максимальные за сорок лет показатели инфляции.

Все эти эффекты связаны с описанными выше парадоксами санкционных политик: в то время как наложенные санкции и связанный с ними экономический ущерб не дают прямого эффекта (изменения политики или дестабилизации режима санкционируемой страны), в условиях глобализации они, с одной стороны, не способны перекрыть все каналы взаимодействия санкционируемой страны с глобальной экономикой, а с другой — имеют значительные «побочные» эффекты «перелива» ущерба на другие страны и мировую экономику.

К описанным выше свидетельствам неэффективности санкций, связанным с внешним контуром, следует добавить, впрочем, еще один эффект, связанный с внутренней ситуацией. Речь идет о весьма оптимистическом настрое российского населения и даже части бизнес-сообщества в настоящий момент. Быстро купированные признаки макроэкономического шока (всплеск инфляции, ослабление рубля и повышение ставок) создали ощущение, что эффект санкций для российской экономики является незначительным и легко преодолимым.

Доступные нам социологические данные показывают, что кризисные ожидания населения резко снижались в мае-июне (так, по самым свежим [данным](#) «Левада-центра», в июне говорили, что их материальное положение скорее улучшилось, 19% респондентов, а что скорее ухудшилось — 34%, в то время как в апреле это были соответственно 13 и 41%). Но и опросы предпринимателей свидетельствуют о достаточно оптимистическом восприятии ситуации. Так, например, индекс деловой активности PMI, построенный на опросах менеджеров и считающийся очень надежным индикатором, уже два месяца [находится](#) чуть выше отметки 50 пунктов, которая обозначает нулевой баланс ответов «ситуация улучшилась» и «ситуация ухудшилась». Динамика индекса ничем не отличается от того, что мы видели на протяжении четырех последних лет, и никоим образом не походит на ситуацию в начале пандемии. Менеджеры не ощущают «дыхания кризиса». И это тоже важный эффект, который отчасти может быть объяснен феноменом «ралли вокруг флага» (санкции воспринимаются как внешняя агрессия и ведут к консолидации авторитарного режима), отчасти — специфическим характером санкционного пакета и реакции на него российской экономики.

II.

ДВЕ ФАЗЫ КРИЗИСА: МЕХАНИЗМЫ, ТАЙМИНГ И ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИЙ

ТИПЫ САНКЦИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Сильные или слабые?

Сергей Алексашенко

Эффект санкций, введенных после российского вторжения в Украину, оказался гораздо более сильным и проявился гораздо быстрее, чем это было в 2014 году.

Введенные тогда санкции были сконцентрированы на финансовом секторе (закрытие рынков капитала), сопровождалось стремительным падением цен на нефть (почти в два раза с 1 июля по 31 декабря), ошибочной политикой ЦБ и связанной с этими двумя факторами девальвацией рубля. В январе 2015 года потребительская инфляция разогналась до почти 4% в месяц, после чего начала снижаться. Постепенный рост цен на нефть и переход ЦБ к плавающему курсу резко снизили инфляционное давление, а изменение позиции администрации США привело к тому, что с середины 2016 года доступ российской экономики на мировые финансовые рынки был восстановлен. Санкции 2014 года в части реального сектора были несущественными.

В итоге падение экономики оказалось незначительным (2%), но для оценки эффекта санкций к этому следует добавить крайне низкие темпы ее роста в последующие годы: 2% в среднем за год без учета влияния COVID. Таким образом, суммарный эффект санкций 2014 года можно оценить как разницу между фактическими темпами роста экономики в 2014–2021 годах и потенциальным 3-процентным ростом (это несколько ниже роста мировой экономики за эти годы — таким образом, я пытаюсь учесть эффект падения нефтяных цен в 2014–2015 годах). То есть, не будь этих санкций, ВВП России в 2021 году с высокой вероятностью был бы на 16% больше, чем он есть в реальности.

После введения санкций в 2022 году инфляция разогналась до уровня 10% в месяц практически мгновенно, а курс рубля за две недели упал на 40% при растущих ценах на нефть. Прогнозы Минэкономики и ЦБ предсказывают спад экономики по итогам года примерно на 10%, но, учитывая рост января–февраля, более показательной является оценка падения в четвертом квартале 2022 года по отношению к тому же кварталу 2021 года — по прогнозу ЦБ это 13–15%. И хотя я сдержанно отношусь ко всем прогнозам, даже неспециалистам хорошо видна разница в ключевых параметрах двух санкционных шоков.

Типы санкций и их временные горизонты

Олег Вьюгин

Оценивать эффективность санкций нельзя в отрыве от временного горизонта их воздействия на экономику. И с этой точки зрения их можно разделить на несколько групп:

- 1) Финансовые санкции немедленного действия (частичная финансовая изоляция и препятствия и ограничения в использовании иностранных финансовых активов страны);
- 2) Торговые и логистические ограничения;
- 3) Запрет на ввоз современных технологий из других стран в большинстве секторов экономики;
- 4) Уход и прекращение коммерческой деятельности заметных иностранных компаний и инвесторов.

Финансовые санкции в моменте оказались ограниченно эффективными по причине немедленного закрытия Центробанком практически всех каналов трансграничного движения капиталов. Причем роль сыграло не только решение ЦБ, но и решение Visa и Mastercard прекратить обслуживать карты, выпущенные российскими банками, а также отсутствие возможности открывать счета резидентов России в большинстве зарубежных банков. В результате сложившийся за десятилетия трансмиссионный механизм воздействия на внутреннюю финансовую политику, основанный на свободном движении капиталов, оказался заблокированным. Поэтому первоначальная реакция, выразившаяся в падении рубля и ценовом шоке, оказалась кратковременной.

Также в результате резкого усложнения расчетов и логистики импорта сократился спрос на иностранную валюту. ЦБ и ряд крупнейших российских банков оказались под блокирующими санкциями, поэтому поступающая в страну выручка от экспорта была мало востребована финансовой системой по причине возросших рисков замораживания пока еще функционирующих корреспондентских счетов российских банков в иностранных банках. Дальнейшее развитие событий подтвердило этот эффект, выразившийся в безудержном укреплении рубля по отношению к доллару.

Финансовые санкции в краткосрочном плане оказались малоэффективными и как инструмент дестабилизации государственного бюджета ввиду наличия большого резерва на счетах федерального казначейства и существенного роста поступлений нефтегазовых налогов. Но рост военных расходов и необходимость увеличения социальных выплат вместе с падением ненефтегазовых налогов рано или поздно приведут к дефициту бюджета. В среднесрочной перспективе финансовые санкции вместе с постепенным введением эмбарго на российскую нефть будут серьезным препятствием для внешней торговли и одним из факторов роста дефицита государственных финансов, существенного падения производства и последующей стагнации.

Торговые и логистические ограничения проявили себя в резком падении импорта и его удорожании. Наличие двух-трехмесячных запасов в промыш-

ленности и опте обеспечило работу предприятий и торговлю в необходимом ассортименте товаров. Эффект этого типа санкций имеет отложенный характер. Пока остается открытым вопрос, насколько параллельный импорт и создание транзитных организационных структур в не присоединившихся к санкциям странах смогут покрыть формирующийся дефицит товаров и комплектующих, от которых зависят практически все отрасли экономики и большинство предприятий. Санкции поломали всю логистику, и многие компании вынуждены искать новые логистические коридоры. Первые серьезные эффекты этого типа санкций мы увидим летом, когда отпуска закончатся и для сохранения рабочих мест и выпуска нужно будет заменять прервавшиеся поставки импортных комплектующих альтернативным или контрафактным ввозом, что приведет к существенному росту логистических расходов и безвозвратным потерям отдельных комплектующих и конечного продукта.

Ограничения по технологическому импорту имеют как среднесрочный (год-два), так и еще более долгосрочный горизонт негативного воздействия на экономику. Современные технологические решения и соответствующие «софт энд хард» продукты пронизывают всю российскую экономику через поставки комплектующих из-за рубежа и взаимные внутренние поставки. Можно смело сказать, что все соответствующие современным стандартам производства в России — результат частичного или полного заимствования и адаптации мировых технологий, оборудования и знаний. Невозможность дальнейшего их привлечения и технологическая изоляция будут иметь самый сильный негативный эффект в долгосрочной перспективе.

ИЛЛЮЗИЯ НОРМАЛЬНОСТИ

Меры ЦБ — краткосрочный и отложенный эффект

Сергей Алексашенко

Для меня большим сюрпризом оказалось то, как легко и изящно российские власти решили проблему, связанную с замораживанием активов Банка России, — практически полный запрет на капитальные операции и запрет многих текущих операций свели эффект этой меры практически к нулю. При исключительно сильном положительном сальдо текущих операций накопленные валютные резервы ЦБ не нужны: избыток предложения валюты позволяет демонстрировать общественному мнению, что власти и экономика могут противостоять санкциям и минимизировать их влияние. При этом у Минфина не возникает проблем с покупкой валюты для нужд текущих бюджетных расходов, а ЦБ может выдавать дозированные разрешения на покупку валюты банкам и компаниям для проведения платежей капитального характера.

Безусловно, это решение, позволив справиться с тактической задачей стабилизации финансового рынка, влечет за собой серьезные проблемы, тяжесть которых будет нарастать со временем. Фактическая неконвертируемость и множественность курса рубля, отсутствие понятных правил доступа к покупке валюты будут давить экономическую активность и приводить к нерациональным решениям.

Я согласен с тем, как эксперты ЦБ показали траекторию падения российской экономики — небольшой спад во втором квартале и резкое усиление к концу года. В этой связи я не ожидал увидеть существенные качественные изменения в состоянии экономики в первые месяцы. На мой взгляд, вплоть до конца лета в экономике будет идти «накопление потенциала падения» — исчерпание запасов, исчезновение поставщиков, неработоспособность логистических цепочек, — все это может в самой незначительной мере сказываться на темпах падения и создавать иллюзию того, что все не так страшно.

Преждевременный оптимизм

Олег Буклемишев

Пожалуй, впервые мы имеем дело не с эпизодическими и точечными санкциями, а с тотальной санкционной войной, в которой с самого начала признается допустимость и желательность collateral damage. То есть санкции распространяются по цепочке на всех граждан и все предприятия страны. Для значительной части представителей среднего класса это знаменует постепенную, но окончательную утрату того образа жизни, к которому они привыкли в последние годы. Если что-то и удивляет — так это то, как стоически воспринимается (или просто не осознается) эта перспектива.

При этом большинство внутренних наблюдателей воспринимают инерционность экономической системы как свидетельство того, что все может быть и не так страшно. Символическое снижение процентной ставки Банка России в несколько приемов в точности к уровню до 24 февраля, наряду с параллельным укреплением рубля, также призвано вселять уверенность в ограниченности последствий санкционного давления.

Однако оптимистический пересмотр прогнозов носит преждевременный характер. Очевидно, в частности, что оба «положительных» признака имеют прямо противоположный смысл. Центральный банк дезориентирует ожидания рынков и с учетом предстоящей бюджетной экспансии в предстоящие месяцы рискует столкнуться с повышенным инфляционным давлением. В свою очередь, рублевый ренессанс больше свидетельствует о деградации возможностей по настройке платежного баланса, чем о реальной «прочности» российской валюты. А более гладкая кривая спада вовсе не равносильна ограничению его количественной глубины и, самое главное, изменению качественного характера.

ВЫЗОВЫ ВТОРОЙ ФАЗЫ КРИЗИСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАМЕЩЕНИЯ ПОСТАВЩИКОВ

Три вызова: инфляция, укрепление рубля и бюджет

Сергей Алексашенко

Наиболее серьезным вызовом сегодня является резкое сокращение импорта. Через два-три месяца такое сжатие предложения дойдет до корпоративного сектора и населения. Самым быстрым следствием этого станет снижение предложения потребительских товаров, что неизбежно выльется в рост цен. В среднесрочной перспективе снижение импорта промежуточных товаров будет разрывать технологические цепочки и усиливать падение экономики. Однако я не вижу, что власти могут сделать для того, чтобы преодолеть эту угрозу, — основная тяжесть ложится на компании, которые будут биться за выживание.

Второй вызов — укрепление рубля. Без смягчения режима валютных ограничений рубль имеет огромный потенциал для укрепления, что оборачивается не только снижением текущих доходов, но и снижением рублевой оценки ФНБ.

Третий вызов, с которым сталкиваются власти, — это необходимость принятия решения об уровне индексации пенсий и зарплат бюджетникам в текущем году. С одной стороны, у Минфина есть резервы для проведения индексации, но, с другой стороны, имеется полная неопределенность с бюджетными доходами, которые могут обрушиться, если нефтяное эмбарго окажется работающим, а цены стабилизируются.

Перспективы и трудности «принудительной пересадки»

Олег Вьюгин

Одним из главных эффектов санкций стало драматическое падение импорта. Причина недооценки этого события — «самосанкции» зарубежных компаний, отказавшихся обслуживать логистику импорта в Россию, а также санкции против российских банков, которые заставили комплайнс их банков-партнеров перейти на ручной режим обработки финансовых транзакций. Главные вызовы экономике лежат в нефинансовом секторе, а именно в способности предприятий, лишившихся привычных торговых связей, обеспечить производство, занятость и финансовую состоятельность, найти альтернативные каналы поставок.

При этом импортозамещение в том виде, как российские власти предписывали его реализовать, — самый главный экономико-политический фейк последнего десятилетия. Любому трезвому экономисту, а тем более лидерам бизнеса, было понятно, что попытки воспроизвести ключевые современные технологии без кооперации с создавшими их мировыми лидерами или безнадежны, или требуют не одного десятилетия огромных затрат, ресурсами для которых российские компании не обладают.

Сегодня вся экономика страны пронизана прямыми или косвенными связями с контрагентами мировой экономики, где-то — в значительной степени, где-то — небольшими, но критическими поставками. Попытка «вынуть» предприятия из этих системных связей приведет к деградации производства, если не к остановкам или существенному падению выпуска.

Надежды политиков на параллельный импорт или импорт аналогов из неприсоединившихся стран, в частности из Китая, нельзя признать совсем необоснованными. В определенной степени эти планы могут быть реализованы. Однако идея властей вырвать с корнем формировавшиеся десятилетиями связи российского бизнеса с компаниями развитого мира и заменить их компаниями неприсоединившихся стран вряд ли осуществима в полной мере по двум причинам.

Первая — это отсутствие мотивации у правительств этих стран в учете несырьевых интересов России, так как они сами являются реципиентами современных технологий развитых стран. Вторая — санкционные ограничения. Развитие сценария замещения необходимого импорта зависит от того, насколько правительства неприсоединившихся стран будут готовы рискнуть, разрешив своему бизнесу организовать значимые альтернативные поставки в Россию. То есть в конечном счете в степени признания ими авторитета санкционной политики США и ЕС, а также способности последних потратить существенный политический ресурс для оказания давления на правительства неприсоединившихся стран.

Новый «старший брат», развилки и сценарии структурной трансформации

Олег Буклемишев

Серьезные сомнения по поводу «китайского импортозамещения» связаны не только с угрозой вторичных санкций, но также с возросшей рыночной властью контрагента, неразвитостью транспортной, платежной и таможенной инфраструктуры. Да и просто будет играть роль психологическая и культурная неготовность большинства российских компаний работать с Китаем и другими азиатскими странами, к тому же — в качестве заведомо младшего партнера. Но даже там, где приобрести более или менее адекватную замену получится, такие решения обрекают российский бизнес не только на технологическое отставание, но и на заведомую глобальную неконкурентоспособность, поскольку приобретаться эти технологии и услуги будут втридорога.

На мой взгляд, главным вызовом ближайших месяцев и лет является пресловутая «структурная трансформация» (изящный эвфемизм ЦБ), а попросту говоря, предстоящая деградация российской экономики в условиях самоизоляции. Это крайне сложный с управленческой точки зрения и полицентричный по своей сути процесс. Теоретически возможны два крайних сценария такой трансформации.

Первый, относительно самопроизвольный, — это когда экономика и в первую очередь ее частный сектор приспосабливаются к новым физическим и ценовым параметрам окружающей среды, в результате чего возникает

обновленное состояние равновесия. Основные характеристики такого равновесия пока неясны, но производственные и управленческие факторы в нем должны комбинироваться иначе. Сложность отторгается такой экономикой, так что существенная часть не худших по качеству производственных факторов (включая трудовые) останется незадействованной, что, наверное, и представляет собой главную проблему нового равновесия с политико-экономической точки зрения.

Разумеется, при этом силы инерции и политического влияния будут препятствовать более или менее свободному перераспределению ресурсов в экономике, то есть идеальному с точки зрения рынка равновесию, да и роль государственного сектора в российской экономике очень важна.

Второй сценарий выстраивается по большей части не от рыночных сигналов, а на основе консервативной в значительной мере идеологии того, что должно с точки зрения правящей элиты. Вот есть военно-промышленный комплекс, он не должен ужиматься в масштабах и в выполнении запросов в условиях враждебного окружения. Есть «командные высоты» и контрольные точки российской экономики, они должны оставаться таковыми, а также должны оставаться под управлением доверенных (пусть не обязательно умелых) лиц и в новой реальности. Есть представители недружественных государств, им никак нельзя идти навстречу, а, напротив, необходимо показывать, где раки зимуют. В этом сценарии перераспределение ресурсов в стратегических направлениях может идти не только через публичные бюджеты, но и путем прямых приказов или давления.

Будущая реальность, по всей видимости, находится где-то посередине. В конечном счете частичный успех трансформации будет зависеть от того, как много рогаток будет выставлено на пути рыночной логики (например, речь может идти о запретах на явное высвобождение трудовых ресурсов или препятствиях на пути передачи реальных полномочий управления и ресурсов на региональный уровень).

Госменеджеры традиционно со странной смесью подозрения и пренебрежения относятся к «коммерсантам» и их усилиям; они считают себя «солью земли» и не готовы передавать им бразды текущего и стратегического управления. В свою очередь, те видят, что государство управленчески ослаблено, в новых условиях не способно реализовывать многие свои функции и ради их выполнения готово идти на уступки (вроде приостановок проверок или банкротств или смягчения валютного регулирования), но пока не понимают потенциальные пределы такого отступления, хотя чувствуют его сугубо тактическое и конъюнктурное нутро.

Немалое осложнение связано еще с проблемой *time inconsistency*: в глубине души чиновники и менеджеры государственного лагеря пока не верят, что наступившая реальность — навсегда и, если так, к ней надо действительно приспособливаться, в том числе оперативно принимая далекоидущие инвестиционные решения (по импортозамещению зияющих дыр, скажем, в ВПК) и решения личного характера (условно говоря, забирать детей из британской *boarding school* и сажать их учить китайский). У них сохранилась и еще какое-то время, видимо, будет теплиться

надежда, что санкции вскоре ослабнут, дивный старый мир вернется, а британские лорды и немецкие канцлеры вновь будут толпиться у них в приемной. Однако надежды эти опираются на разовый (и, судя по всему, уникальный) посткрымский опыт.

По свидетельству очевидцев, многие госменеджеры сейчас старательно выдают желаемое за действительное либо просто очень хорошо маскируются. И хотя большинство официальных прогнозов имеет «приклеенный хвост», то есть демонстрирует быстрый отскок экономики (причем при действии предпосылки сохранения внешних ограничений), в реальности мало кто представляет, как хозяйственная (и политическая) система будет функционировать в новых условиях в долгосрочной перспективе. Большинство решений принимаются на живую нитку и без решительного разворота от привычного, как бы в расчете на короткий срок, после которого «все устаканится».

III.

ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ: ЧТО ПРОИСХОДИТ С РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ И КУДА ЭТО ВЕДЕТ

ЕСТЬ ЛИ КРИЗИС И КАКОВ ЕГО МАСШТАБ?

Как уже было отмечено, взгляд российского населения, значительной части бизнес-сообщества и элит на ситуацию в экономике остается достаточно оптимистичным. Однако этот оптимизм скорее вызывает недоумение и заставляет задуматься, чем обнадеживает. Хотя данные по динамике ВВП за второй квартал появятся только в конце августа, по предварительной оценке Минэкономразвития, спад ВВП в мае [ускорился](#) до -4,3% к маю 2021 года после -2,8% в апреле. И это, видимо, более сильные темпы снижения, чем те, которые имели место в начале 2015 года, когда спад составил 1,5% в первом квартале и 3,1% во втором. Однако тогда экономическая ситуация ощущалась населением и бизнесом, безусловно, как кризисная (см. рис. 1–2).

Рисунок 1. Индекс интенсивности выпуска по базовым видам экономической деятельности, 2014–2022 (январь 2013 = 100%)

Источник: Центр развития ВШЭ

Рисунок 2. Индекс потребительских настроений «Левада-центра», 2008–2022 (март 2008 = 100%)

Источник: «Левада-центр»

Впрочем, в 2015 году сокращение экономики стало откликом на внешний шок — падение цен на нефть, вызвавшее скачок курса доллара и инфляцию. За последние 25 лет российское население, бюрократия и бизнес пережили три подобных кризиса (1998, 2008 и 2015) и хорошо знакомы с их признаками, логикой и механизмами нормализации после возвращения нефтяных цен к траектории роста. Произошедшее нынешней весной быстрое возвращение макроэкономических показателей к прежним значениям после краткого мартовского шока послужило для населения и участников рынка именно таким сигналом о нормализации на фоне идущих вверх цен на нефть.

Между тем, как объясняют выше эксперты, вторым и более мощным (чем ограничение на движение капитала и макроэкономический шок) каналом развития санкционного кризиса является шок предложения — резкое сокращение импорта. Сокращение импорта происходит и в случае внешнего шока, связанного с падением цен на нефть. В этом случае импорт сокращается, потому что дорожает после девальвации рубля. Но по мере нормализации импорт начинает потихоньку расти, следуя за ростом доходов от экспорта и платежеспособного спроса. Однако в нынешнем случае нормализация макроэкономических показателей не означает такого разворота. И эта новая реальность, по всей видимости, не вполне осознана населением и экономическими агентами.

По данным Росстата, в мае 2022 года промышленное производство снизилось на 1,7% к маю прошлого года, в обрабатывающей промышленности падение ускорилось с 2,1% в апреле до 3,2% в мае (также к маю прошлого года). Но реальную картину «санкционной» динамики дают не сравнения год к году (на протяжении 2021 года экономика росла в тренде постковидного восстановления), а оценки накопленного сокращения к досанкционному пику (см. рис. 1).

Так, показатель выпуска по базовым видам экономической деятельности (наиболее близкий к ВВП оперативный показатель), рассчитанный Центром развития ВШЭ («индекс Бессонова»), [указывает](#) на снижение на 7,3% к декабрю 2021 года (в мае 2015 года сокращение этого показателя составило 4,4% к декабрю 2014-го). По расчетам экспертов, более трети всего спада обеспечило сокращение оптовой торговли (майский оборот ниже уровня декабря 2021 года на 18,7%), шестую часть спада дало сокращение в добыче полезных ископаемых, а розничная торговля, обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство вместе дали еще одну треть общего спада. Накопленное за три месяца сокращение выпуска в промышленности (то есть без учета строительства и услуг) составило, по подсчетам разных аналитических центров, от 4 до 7%. Центр макроэкономического прогнозирования (ЦМАКП) оценивает его в 6,9%, Росстат — в 4,6%, а НИУ ВШЭ — в 4% (разница связана с различными методиками, с помощью которых центры пытаются минимизировать искажения и выбросы, а также сглаживают сезонность).

Следует отметить, что в мае темпы спада резко замедлились (по оценке Росстата, в мае промышленность снизилась всего на 0,2% после сокращения на 1,9% в апреле). Основной вклад в это внесли стабилизация

и даже небольшой рост в добывающем секторе (прежде всего в добыче нефти), а также, возможно, оборонная промышленность. Приостановилось падение и в ряде обрабатывающих производств. Впрочем, в силу большого количества праздников май считается не самым надежным для экономической статистики месяцем, а косвенные опережающие индикаторы — сокращение потребления электроэнергии и погрузки на железной дороге — [указывают](#), что в июне сокращение в промышленности продолжается.

Так или иначе за несколько месяцев экономика перешла от динамичного роста конца 2021 года к достаточно глубокому спаду. Особенность его состоит в том, что он не носит фронтального характера, сильно различаясь по масштабам в различных отраслях. В то время как многие производства и даже сектора чувствуют себя относительно благополучно или даже растут (перетягивая на себя неудовлетворенный спрос), в других наблюдается настоящий обвал. Так, в России практически остановилось производство легковых автомобилей: в мае 2022 года их было выпущено лишь около 4 тыс. штук вместо 112 тыс. автомобилей годом ранее. Производство грузового транспорта находится на уровне 60% от объема мая 2021 года; по данным Росстата, в два раза сократилось по сравнению с маем прошлого года производство «приемников телевизионных» и на 60% — производство стиральных машин и холодильников. Эти обвалы очевидно связаны с разрывами цепочек поставок импортных комплектующих, отсутствие которых приводит к остановке целых производств.

Вторым каналом распространения кризиса является снижение доходов и, соответственно, спроса со стороны граждан. Реальные зарплаты россиян перешли к падению под натиском инфляции: в апреле они сократились на 7,2% в годовом выражении — это максимальное падение с 2015 года (еще в марте они росли на 3,6%). Реальные пенсии в мае сократились на 8,2% (всего за январь–май снижение составило 5,8%). Внеплановая индексация пенсий и МРОТ на 10%, скорее всего, поддержит доходы пожилых россиян, но ее влияние на зарплаты будет ограниченным. Вместо снижения занятости спад выпуска во многих отраслях вызовет, как это обычно случается в России, сокращение реальных зарплат (за счет срезания различного рода выплат).

Данные по зарплатам за май пока неизвестны, но [ЦБ](#) и [Минэкономразвития](#) обеспокоены сжатием потребительского спроса, который наглядно демонстрирует динамика розничной торговли: в мае она упала почти на 11% к декабрю 2021 года (в основном за счет непродовольственных товаров и в особенности — товаров длительного спроса). Это, кстати, примерно соответствует сокращению этого показателя в мае 2015 года к ноябрю 2014-го. На резкое сжатие спроса указывает и дефляция: цены в России фактически не растут с конца мая. И это признак не столько экономической стабилизации, как любят иногда интерпретировать замедление инфляции чиновники, сколько специфики нынешнего кризиса: в то время как компании несут издержки из-за усложнения логистики и необходимости замещать привычных поставщиков, низкий спрос на продукцию заставляет их сдерживать цены. Министр экономического развития Максим Решетников уже [предупредил](#), что экономика России «сползает» в опасную дефляционную спираль.

Чрезмерное укрепление рубля также не работает в благоприятном для компаний направлении. В нормальной ситуации крепкий рубль удорожает для предприятий внутренние факторы производства (труд, закупка отечественных промежуточных товаров), но удешевляет его импортную составляющую. Однако в данном случае крепкий рубль не транслируется в доступность импорта в той мере, как обычно.

Государственные расходы в такой ситуации остаются ключевым инструментом ребалансировки и компенсации кризисных факторов. Пока российский бюджет поддерживают налоговые поступления от нефти и газа: по данным Минфина, нефтегазовые доходы за январь–май 2022 года выросли на 45% в годовом выражении (до 5,7 трлн руб.). Однако ненефтегазовые доходы (НДС, НДСФЛ, налог на прибыль и др.) за этот же период сократились на 3,1% — до 6,385 трлн руб. (в мае спад составил 6,4%). Федеральный бюджет готовится к контролируемому дефициту по итогам 2022 года в размере 1,2% ВВП, который будет финансироваться из Фонда национального благосостояния (чиновники признают, что в реальности дефицит может достигнуть 2%). Однако на что будут потрачены дополнительные средства?

После публикации апрельской бюджетной статистики, из которой следовало, что военные расходы выросли почти в 2,5 раза в годовом выражении, а в целом расходы на оборону и безопасность составили 26% всех расходов, Минфин засекретил детализацию расходов бюджета. А совсем недавно тот же Минфин предложил резко сократить расходы по госпрограммам «Развитие транспортной системы», «Научно-технологическое развитие» и «Обеспечение обороноспособности страны». В первом и втором случае сокращается финансирование развития гражданской экономики. Появившийся почти параллельно законопроект, которым [предлагается](#) обязать бизнес к принудительной работе по госзаказу в интересах армии и спецслужб, а предприятия ОПК — к работе по ночам и без выходных, также свидетельствует о дрейфе приоритетов госуправления к модели экономики военного времени. Законопроект, превращающий военные контракты для предприятий в обязательные, позволит де-факто переложить предполагаемое Минфином сокращение бюджетных расходов на оборонные программы на бизнес.

Однако главную неопределенность для бюджета создает непредсказуемость динамики нефтегазовых доходов. В ближайшем будущем сильное влияние на них могут оказывать колебания цен на нефть, санкции, направленные на ограничение получаемой Россией от их экспорта ренты, и, наконец, контрсанкции — превентивное ограничение поставок российского газа в Европу в рамках торгово-энергетической войны.

Таким образом, можно сказать, что еще одним фактором развития нынешнего кризиса в российской экономике является перешедшая в затяжную стадию война с Украиной и геополитическая эскалация, расходы на которые не позволят реализовать антикризисный потенциал бюджета и ФНБ и хоть в какой-то мере снизить издержки санкционного кризиса для бизнеса.

ЧТО ТАКОЕ СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС И РЕГРЕССИВНОЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ

Итак, индикаторы выпуска и потребления на начало лета, то есть на четвертом месяце войны, демонстрируют признаки экономического кризиса, по всей видимости, уже превосходящего масштабы кризиса в первом и втором кварталах 2015 года. Вместе с тем, хотя первая фаза этого кризиса (март–апрель) была похожа на кризисы, вызванные внешним шоком, в действительности он имеет характер кризиса структурного. Предыдущий структурный кризис российская экономика переживала в начале 1990-х, и аналогии развития такого кризиса надо искать, скорее, там.

Первыми об этом [написали](#) Владимир Гимпельсон и Ростислав Капелюшников: «Трансформационный кризис в начале 1990-х годов протекал на фоне сильнейших макроэкономических шоков, среди его ключевых черт — тотальный разрыв хозяйственных связей. Это ведет к остановке нормальной хозяйственной жизни. Сходным образом обстоит дело и с нынешним кризисом: хотя он также сопровождается целой серией макроэкономических шоков, все же главное в нем — это повсеместный разрыв технологических и производственных цепочек. Разница только в том, что тогда это был разрыв связей внутри страны, а теперь — связей с внешним миром».

Сходство и одновременно различие с кризисом начала 1990-х состоит еще и в том, что тогда экономика открывалась внешним рынкам, и это помогало определить рыночные цены товаров, ресурсов и вес национальной валюты. Сейчас же налицо быстрое сокращение связей экономики с внешним миром, а многие цены (например, курс рубля или цена многих импортных товаров) оказываются искажены регуляторными ограничениями с обеих сторон. Таким образом, теперь, в отличие от начала 1990-х, российская экономика «выпадает» из мировой не только через сокращение финансовых и торговых связей, но и на институциональном уровне.

В отличие от кризиса, связанного с внешним шоком, который имеет обычно фронтальный характер, структурный кризис расплзается по экономике постепенно, по мере того как разрыв связей в различных местах добирается до сокращения выпуска конечной продукции, а общее сжатие начинает оказывать серьезное влияние на платежеспособный спрос. Такой ползучий характер, впрочем, ослабляет его политический эффект — ухудшение происходит постепенно и асинхронно по разным секторам экономики.

Основной эффект для российской экономики в среднесрочном периоде будет связан не столько с финансовыми санкциями (хотя упущенный рост в связи с недополученными иностранными инвестициями также будет значителен в долгосрочной перспективе), сколько с санкциями против импорта и фактическим разрывом отношений с передовыми западными экономиками. Как [отмечал](#) в своем обзоре эффективности санкций The Bell, 49% российского импорта в 2021 году приходилось на машины и оборудование, а в страновом разрезе также почти половина

(45%) — на страны, поддержавшие санкции. Здесь и предстоит разрыв цепочек и связей, который экономике придется как-то компенсировать в ближайшие годы.

Это означает, что, утратив доступ к западным технологиям, образцам и компонентам, российская экономика будет стремиться заместить соответствующую продукцию в кооперации с менее развитыми странами, получая от них менее качественные и устаревшие технологии, образцы и компоненты по более высоким, неконкурентным ценам (так как у российских компаний не будет никаких альтернатив этим поставкам). По сути, произойдет не столько замещение импорта отечественным производством, как любят говорить российские официальные лица, сколько замещение одного импорта другим, менее передовым и качественным. А доля России при этом в цепочках добавленной стоимости, вероятно, даже сократится за счет роста относительной цены импортируемых технологий и комплектующих.

В этом смысле [введенный](#) аналитиками ЦБ термин «обратная индустриализация» описывает лишь часть процесса — замещение технологически наиболее простых узлов отечественными аналогами. Более точным по сути выглядит термин «технологически регрессивное импортозамещение», [предложенный](#) для описания этого уникального процесса известным экономистом Бранко Милановичем. Причем речь идет о замещении импорта как менее продвинутым импортом, так и еще менее передовыми отечественными аналогами. По сути, это сценарий, в котором нормальная модель развития любой экономики оказалась развернута в обратную сторону. «Ничего подобного в современной экономической истории пока не случалось», — замечает по этому поводу Миланович.

Модель развития российской экономики в последние десять лет отчасти была похожа на ту, которую использовали некоторые другие страны-нефтеэкспортеры Ближнего Востока. Опираясь на достаточно высокий уровень доходов, подстегивающий высокое потребление, и значительный приток валюты, позволяющий импортировать наиболее передовые технологии и компоненты, они стимулировали встраивание отечественных фирм в производственные и сервисные цепочки высокотехнологичного потребления. И в результате не только осваивали передовые технологии и производства (хотя их доля в добавленной стоимости и оставалась не столь большой), но также добивались значительных успехов в хайтеке и новой цифровой экономике.

В России этот сектор, как [отмечал](#) экономист Олег Ицхоки в одном из наших прежних докладов, имел к тому же значительный потенциал внешней экспансии на пространстве СНГ и в Восточной Европе («Яндекс», «Сбер» и пр.). Теперь рынок российского высокотехнологичного стартапа и хайтека в целом, бурно развивавшийся в 2010-х годах, переживает катастрофу и тотально покидает Россию ввиду невозможности финансового и технологического взаимодействия в технологических и бизнес-цепочках.

Парадокс состоит в том, что в отличие от стандартного сценария «консервации» экономики и социального развития в условиях широких и долгосрочных санкций, о котором говорилось выше, России сначала предстоит, отыгрывая назад успехи последних десяти лет, пройти этап ускоренной технологической деградации, который будет сопровождаться значительным сокращением экономики. И только после этого выйти на траекторию санкционной консервации. Этот этап эксперты ЦБ как раз и называют этапом «обратной индустриализации», отмечая, что восстановление экономики будет происходить на более низком технологическом уровне.

Однако смена его предполагаемым теми же экспертами четвертым этапом («достижение нового равновесия, развитие на новой, менее совершенной технологической базе, и постепенный возврат к прежним технологическим уровням») выглядит не слишком вероятной. Опыт социальной и политической динамики стран, находящихся под длительными и широкими санкциями (о котором говорилось в части I доклада), говорит о том, что перечисленные экспертами предпосылки выхода на такую траекторию будут, скорее всего, отсутствовать («восстановление привлекательности финансовых и прямых инвестиций», «развитие человеческого капитала», «наличие социальных лифтов»). Как отмечает в своем обзоре модели «технологически регрессивного импортозамещения» Бранко Миланович, она будет означать в том числе и сознательную утрату части человеческого капитала: высококвалифицированная рабочая сила окажется в процессе структурного регресса экономики не востребованной и должна будет подстраиваться под требования более примитивного технологического уклада.

Более того, даже перейдя в группу технологически менее развитых стран, Россия, скорее всего, будет проигрывать конкуренцию им в силу более дорогих факторов производства (рабочей силы и технологического импорта). Что с высокой вероятностью определит ее дальнейшее отставание в уровнях конкурентоспособности и, соответственно, — в борьбе за долю прибыли и рынков.

Иными словами, российскую экономику (как и социальную среду) предстоит сначала стерилизовать, а затем — законсервировать.